

Конев Алексей Юрьевич

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГИСТРАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ XVII-XVIII ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ

В статье рассматриваются изменения в практике учета коренных народов Западной Сибири, происходившие с начала XVII в. до 80-х гг. XVIII в. Прослеживаются связь способов регистрации с ясачной политикой, влияние на них принципа подушного налогообложения, введенного в ходе реформ Петра I. Автор раскрывает роль ясачных и ревизских переписей как инструментов социальной классификации, оказавших существенное влияние на оформление категории "ясачных" в сословной структуре Российской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 90-94. ISSN 1997-292X

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. Доклад «Гражданское общество в модернизирующейся России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosbook.ru/node/26519> (дата обращения: 02.02.2014).
5. Нисневич Ю. А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис (Политические исследования). 2011. № 1. С. 165-176.
6. О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 21.12.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156018> (дата обращения: 02.02.2014).
7. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 04.08.2006 № 842 (ред. от 23.05.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146636> (дата обращения: 02.02.2014).
8. Об образовании Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Министра обороны РФ от 16.11.2006 № 490 (ред. от 21.03.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=542614> (дата обращения: 02.02.2014).
9. Преступления. Свод законов США [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/archives/4490> (дата обращения: 02.02.2014).
10. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/> (дата обращения: 02.02.2014).

CIVIL CONTROL MECHANISM AS CONDITION OF EFFICIENCY OF MILITARY SECURITY SYSTEM FUNCTIONING

Kovalev Andrei Andreevich

Institute of Federal Security Service of the Russian Federation (St. Petersburg)
senator23@yandex.ru

In the article the role of civil control as a condition of the efficiency of military security system functioning is under study. The author concludes that the process of civil society formation is extremely slow, the level of civil activity remains low, secrecy requirements limit the possibilities to control over military security bodies.

Key words and phrases: military security; civil society; civil control mechanism; civil control principles; Constitution of the Russian Federation; democracy; control.

УДК 94(57)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются изменения в практике учета коренных народов Западной Сибири, происходившие с начала XVII в. до 80-х гг. XVIII в. Прослеживаются связь способов регистрации с ясачной политикой, влияние на них принципа подушного налогообложения, введенного в ходе реформ Петра I. Автор раскрывает роль ясачных и ревизских переписей как инструментов социальной классификации, оказавших существенное влияние на оформление категории «ясачных» в сословной структуре Российской империи.

Ключевые слова и фразы: коренные народы; ясак; ясачные книги; переписи; ревизии; социальные категории; Сибирь.

Конев Алексей Юрьевич, к.и.н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет
aldimoks@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГИСТРАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ XVII-XVIII ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ[©]

Одной из наиболее серьезных проблем для центрального правительства и местных властей в Сибири на протяжении рассматриваемого периода была организация учета представителей туземных народов, подпавших под власть русских царей. Финансовый интерес обусловил появление специфических форм контроля и регистрации автохтонов, обязанных выплатой дани-налога, собиравшейся до конца XVIII в. главным образом в натуральном виде пушниной. Следует отметить, что развивавшаяся на протяжении трех столетий система фиксации и контроля ясачных народов не стала до сих пор предметом специального исследования. Эта тема рассматривалась на относительно коротких временных отрезках в рамках трудов по истории сибирского управления и фискальной политики, в контексте этно-демографических и этно-исторических исследований. В новейшей зарубежной исторической русистике переписи населения рассматриваются не просто в качестве способа регистрации налогоплательщиков и рекрутов, а как основа для проведения политических и экономических реформ, выявления человеческих ресурсов, как инструмент объективного определения территориальной единицы и её населения [9, с. 79; 26]. Такой подход правомерен, на мой взгляд, не только к оценке

модерных переписей второй половины XIX в., но и так называемых ревизий XVIII в., особенно тех, которые осуществлялись во времена правления Екатерины II, когда обнаружился повышенный интерес к получению разнообразных статистических данных о состоянии общественно-экономической жизни страны.

Изучение форм и способов учета населения позволяет уточнить сложившиеся в историографии представления о подходах государства к классификации коренных жителей колонизируемой окраины, о процессе образования социальных категорий, в нашем случае не имевших определенного правового статуса до издания в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». Исследованию данных аспектов в основном и будет посвящена настоящая публикация.

Первым, кто предпринял подробный анализ документов ясачного учета как исторического источника, был Н. Н. Оглоблин. Выявляя особенности ясачных книг, он выделил несколько их разновидностей. При этом было отмечено, что «правительственные документы XVII в. за весьма редким исключением не отличались устойчивостью форм», поэтому «трудно найти две совершенно тождественные книги». «Именные» и «переписные» содержали поименные списки ясачных людей по сотням, волостям, родам и зимовьям. «Сборные» и «приходные» («приимочные») книги не содержат имен, за исключением глав подразделений, и указывают общее число плательщиков. В них можно обнаружить сведения об изменении численности ясачного населения. Сборные книги составлялись на месте ясачными сборщиками, приходные – в городе в съезжей избе. Аналогичные документы за вторую половину XVII в. почти не отличались от таковых же начала столетия. Ясачные книги XVIII в. чаще назывались «переписными» и, по данным Оглоблина, могли иметь некоторые особенности. Так, книга Тюменского уезда за 1701 год содержит массу подробностей: не только имена дворохозяев и размер их ясачного оклада, но и имена детей мужского пола с указанием возраста и даже данные о постройках, скоте и хозяйственном инвентаре. Помимо ясачных книг составлялись именные «рописи выбылых и прибылых». В них приводятся сведения по волостям определенного уезда об исключившихся из ясачного платежа (умерших, старых и «увечных») и вновь включенных в оклад [16, с. 89-108].

По мнению С. Г. Скобелева, «при определении численности коренного населения до середины XVIII в. можно пользоваться только данными сводных ясачных книг» [19, с. 38]. Это утверждение требует уточнения, так как что такое «сводные ясачные книги» не совсем понятно и автором не поясняется. Вообще книги о сборе ясака, как правило, составлялись по определенному уезду, в этом смысле в них, конечно же, обобщались сведения по волостям, родам или улусам. На самом деле историки и этнографы, касаясь демографии народов Сибири и проводившейся в отношении них ясачной политики в XVII – начале XVIII в., обращаются либо к именованным и сборным ясачным книгам, либо к так называемым «сметам» и «пометам». В «сметах» фиксировались результаты сбора текущего года, «пометы» содержат проект сбора на предстоящий год, а также добора недоимок за предшествующий период. Оглоблин назвал их самыми существенными документами воеводского управления по ясачным операциям [16, с. 101].

На протяжении XVII в. осуществлять более или менее точную регистрацию плательщиков ясака было весьма сложно, особенно в отдаленных и труднодоступных районах. С. В. Бахрушин, правда, отмечает, что переписи ясачного населения «проводились очень часто и постоянно проверялись с целью внести в список подросших детей и склонявшихся от платежа» [2, с. 72]. Неточность данных ясачных книг определяется тем, что чаще всего сведения о численности работоспособных мужчин брались со слов князцов, сотников, старшин, не заинтересованных в полноте учета подведомственного населения. Особые трудности вызывал сбор с постоянно кочевавших самоедов: «платеж был или нет, про то неведомо, потому что они, ясачные сборщики, их налицо опазнывать не умеют» [3, с. 64]. Даже в некоторых районах так называемого первоначального освоения у представителей воеводской администрации возникали большие проблемы в поддержании контактов с местным населением. Известно, например, что в кондинские волости Пельимского уезда в течение всего XVII в. русские проникали крайне редко, ясак там собирался не сборщиками, а мурзами и сотниками, причем не поголовно, а со всей волости сороками. В 1654 г. воевода сообщал в столицу, что «те убойцы, твои государевы ясачные люди, пельимским служилым людям не даются, из луков служилых людей стреляют» [1, с. 150].

Следует признать, что степень сохранности материалов ясачной регистрации и их весьма относительная достоверность позволяют лишь приблизительно судить о численности сибирских народов в XVII – первой половине XVIII в. С большей долей уверенности можно говорить о динамике количественных изменений за длительный временной промежуток.

На наш взгляд, достаточно полное представление о практике подсчета «ясачных иноземцев» и методах контроля за годными к промыслу мужчинами дают материалы сметных и пометных списков. Содержащаяся в них информация заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее. Предлагаю это сделать на примере сметного списка 1692-1693 гг. по Пельимскому уезду из рукописного собрания М. Ф. Боголепова, хранящегося в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Документ не вводился ранее в научный оборот [23].

В этом списке «смета» и «помета» объединены в один документ. Кроме сведений о ясачном сборе и недоимках представлены данные о том, «сколько в уезде ясачных волостей, и в них сколько человек старых, и ясачных людей, и прибылых». В девяти волостях уезда на начало 1692 г. состоял в окладе 441 человек. В течение года было приверстано в ясак «детей подрослых» 5 человек, а по «сыску и досмотру» воеводы О. Р. Леонтьева выявлена убыль 7 ясакоплательщиков в связи со смертью и 7 по возрасту и «увечью». Сообщается также, что в указанном году «отошли» в Верхотурский уезд из Тахтанской волости 9 человек «ясачных людей». Таким образом, в уезде на момент сбора ясака фактически было 423 работоспособных мужчин. Правда, составитель «сметы» сообщает о 432 ясакоплательщиках, с которых «ясаку и поминок помечено взять на 511 рублей на 12 алтын на 3 деньга». По всей видимости, он включил в это число самовольно

ушедших из Тахтанской волости. Естественно, что уже один этот факт predetermined сбор ясака с недоимкой. Далее сообщается о том, что за период с 1630 г. по 1692 г. было выявлено умерших, крестившихся, старых и увечных ясачных людей 912 человек [Там же, л. 1-2, 6-20]. Несложные расчеты показывают, что в Пельымском уезде за год в среднем выбывало из ясака около 14-15 человек. Отметим, что сведения нашего источника по Тахтанской волости (14 плательщиков) существенно расходятся с данными Б. О. Долгих, который сообщает о 33 и 34 плательщиках ясака в 1680 г. и 1694 г. соответственно [7, с. 29]. Этот факт требует дополнительного изучения, учитывая то, что по другим волостям уезда данные названной сметы за 1692/93 г. и данные Долгих за 1694 г. либо полностью совпадают, либо имеют незначительные отклонения. Также обращает на себя внимание отсутствие в рассматриваемом документе какой-либо информации о Сосьвинской волости. Интересно и то, что составитель «сметы» использует для обозначения представителей коренного населения только термин «ясачные люди», нигде не указывая их этническую принадлежность.

Сопоставление «сметы» и «пометы» Пельымского уезда с аналогичными документами по Туринскому уезду за 1688-1689 гг. и 1690-е гг. [20; 21; 22; 24] показывает, что к этому времени сложился формуляр ясачного сметного списка, которого придерживались местные администраторы. В регионе функционировала система учета ясачных людей, имевшая вполне определенные процедуры, посредством которых отслеживались изменения в составе плательщиков ясака, влиявшие на его сбор: миграции, переход в православие, достижение дееспособного возраста, неспособность к промыслу, естественная убыль. При определении оклада применялся дифференцированный подход – на «подрослых» возлагалась повинность в меньшем размере.

В рассматриваемый период документы фискального учета, ясачные книги и сметные списки также являлись важным инструментом конструирования административно-волостной системы, привязки и приписки населения к волостям и уездам, фиксации и стабилизации подвижной административно-территориальной структуры региона.

Безусловно, оставался целый ряд вопросов, которые не могли быть решены в полной мере в рамках этой практики ясачного учета. В частности, она не могла исключить факты укрывательства от ясака, переходы из волости в волость и из рода в род, не было возможности точного определения возраста автохтонов. Все эти моменты не позволяли последовательно реализовывать принцип индивидуального обложения, установившийся в Сибири с середины XVII в. и существовавший до ясачной реформы 1760-х гг.

А. Н. Копылов справедливо заметил, что вернее говорить о поголовном, а не индивидуальном обложении. Индивидуально могли облагаться и главы родов, и главы семей, и каждый работоспособный мужчина. Более того, на практике в Сибири до первой трети XVIII в. поголовное взятие ясака сочеталось с групповым (породовым/поволостным) методом его сбора [10, с. 60]. Н. Ф. Емельянов полагал, что в Томском Приобье до 1764 г. ясачный оклад устанавливался «не на здорового мужчину-охотника, а на главу семьи-юрта» [8, с. 99]. К аналогичному заключению на материалах туринских татар конца XVII – начала XVIII в. пришел Н. А. Томилов [25, с. 45]. Применительно к Северному Приобью Н. А. Миненко, ссылаясь на сообщение березовского воеводы Степана Демьянова, отмечает, что в первой половине XVIII в. ясачный сбор осуществляется «ис прежних лет с каждого человека по расположению тех волостей князцов обще с посланными для сбора того ясака... зборщиками» [11, с. 231-232].

Решительные шаги в сторону поголовного ясачного обложения Копылов связал с влиянием подушной реформы Петра I и проиллюстрировал это на материалах следственной комиссии «О Томском ясашном сборе». Он установил, что в 1720 г. в Томском уезде в связи с I ревизией была проведена подушная перепись не только податного русского, но и ясачного населения [10, с. 61, 67]. Интересно, что и в других районах Западной Сибири в результате деятельности переписчика Солнцева-Засекина ревизией были учтены представители коренных народов, в основном из числа новокрещенных, а затем предприняты попытки распространить на них положения «Плаката о сборе подушном». Правда, вскоре эти действия были опротестованы, и всех сибирских автохтонов, вне зависимости от вероисповедания, указано «из подушной переписи выключить» [12]. Сенатский указ от 26 марта 1726 г. и отмена действовавшего до начала XVIII в. правила о сложении с крестившихся иноверцев ясачного оклада с последующим переводом таковых в другие социальные категории способствовали консолидации категории «ясачных» по двум основаниям – этническому происхождению и роду занятий / образу жизни. Вероисповедание стало влиять только на получение льгот по ясаку.

Несмотря на исключение народов Сибири из первых подушных переписей, подходы к их налогообложению на протяжении первой половины XVIII в. заметно меняются. Одним из важных мероприятий воссозданного в 1730 г. Сибирского приказа стал масштабный переучет ясачных плательщиков. В сентябре 1731 г. Сибирской губернской и Иркутской провинциальной канцеляриям было указано «сочинить ясачным иноземцам... окладные новые книги, порознь по городам, выключая дряхлых, старых и зело убогих, а на место их включить подростков» [17, д. 6942, л. 91]. К сожалению, почти все документы этого свидетельства ясачных душ погибли в пожаре 1737 г. Тем не менее, даже краткие сведения позволяют заключить, что решения о проведении проверки состава ясакоплательщиков и определении новых окладов начинают приниматься в центре, а не на местах. Это не означало, что отныне локальные сверки ясачных душ не производились по инициативе местных властей; в качестве примера можно привести перепись 1745 г. в Тобольском уезде, вызванную, по всей видимости, большой задолженностью, накопившейся за несколько лет [18, кн. 187, л. 373]. Вместе с тем, появляется новая практика – проведение переписей ясачных плательщиков по всей Сибири по указанию из центра в определенные сроки.

Новая общесибирского масштаба перепись была предпринята в 1746 г. В указе от 26 июня этого года из Сибирского приказа в Сибирскую губернскую канцелярию в частности сообщалось, что для её производства в волостях Тобольской провинции был отправлен тобольский дворянин Петр Ушаков «с командою», которому

дана особая инструкция. Губернской канцелярии предписывалось объявить указом князям и есаулам, «чтоб они вышеозначенному... Ушакову как о себе, так и о старых, дряхлых и неимущих, також умерших и вновь подрослых, так же и пришедших к ним из других волостей объявляли по силе данного князьям Черкасским наказу имянно, без всякой утайки, не боясь никакого себе в том отягощения и страсти и возвышения ясака, ибо та перепись... чинитца толко для ведома и положения их по наличеству людей в оклад» [17, д. 6942, л. 92]. Сибирский приказ, после получения с мест материалов нового свидетельства ясачных душ, сделал ряд замечаний. Он добивался обязательного указания: возраста ясачных плательщиков, в том числе выключенных из платежа и вновь приверстанных, причин по которым ясачные оказывались не в равном окладе, данных старой переписи (1732 г.) о числе плательщиков и размерах платежа, за кем конкретно числилась недоимка [Там же, л. 215 – 219 об.]. Перепись затянулась до 1753 г. и своими результатами не удовлетворила Сибирский приказ. Вместе с тем, важно отметить, что она не сводилась к текущему учету и ротации ясакоплательщиков, в ходе неё власти попытались решить вопрос «неуравнительного» распределения ясака и принять во внимание состояние промысловых угодий при определении размеров оклада. Все вышеприведенные факты не позволяют безоговорочно согласиться с распространенной точкой зрения, согласно которой до первой ясачной реформы (1763-1769 гг.) не проводилось переучета коренного населения, и русская администрация пользовалась только «скорректированными данными ясачных книг» [19, с. 39].

В ходе переписи 1746-1753 гг. среди прочих всплыл вопрос о недоимке, накопившейся на ясачных Тобольского уезда с 1731 по 1745 гг. в размере 12459 рублей 38 копеек. Просьбы и предложения о её списании на основании 4 пункта высочайшего манифеста от 15 июля 1744 г. вызвали у Сибирского приказа возражения. В соответствии с этим указом разрешалось «всякие казенные доимки... кроме подушного сбора... как на самих должниках и на плательщиках и расходчиках, так и на наследниках и их поручиках не взыскивать» [14, с. 172]. Аргументируя свою позицию Сенату по данному вопросу, приказ в 1748 г. отметил, что «ония ясашные кроме положенного на них ясака, которой именуется точно подобно подушному збору, никаких других податей не платят, а тот ясашной платеж положен по окладу, так как и подушной збор по окладу збирается» [18, кн. 187, л. 366 об. – 367]. Сибирская губернская канцелярия в своем доношении в Сибирский приказ от 31 июля 1750 г., обратив внимание на недоимки «ясашных иноземцев», предлагала «ежели де збавки учинить буде не повелено, то мнится лутче ясак платить по расположению на все волости равно на каждого человека... и умерших ис тех волостей впред не выключать, а вместо того подростков в ясак не приписывать, и за убогих и за дряхлых и увечных платить поволостно раскладкою, против того как ныне государственные и волостные крестьяне платят» [Там же, кн. 180, л. 1353 об. – 1354]. Предложение об уравнительной подушной раскладке ясака содержалось в «Экстракте» комиссии И. Данилова, подготовившей проект положения о ясачном сборе, представленном в 1755 г. Сибирскому приказу [17, д. 6934, л. 127 – 128 об.].

Очевидно, что ясак с конца 40-х гг. XVIII в. рассматривается в центре и на местах как своеобразная разновидность подушной подати. Это отражало принципиальное изменение сущности ясака и свидетельствовало о новом взгляде на ясачное население как на категорию, аналогичную по статусу государственным крестьянам. Характерно, что термин «иноземцы» в отношении народов Сибири в конце 1750-х гг. уходит из официальной лексики, а основным обобщающим названием применительно к ним становится термин «ясачные». Безусловно, что эти изменения должны были привести к распространению на них тех форм регистрации, которые применялись ко всем остальным податным категориям. С 1781 г. народы Сибири включаются в ревизские переписи. Вследствие этого у автохтонов, за счет женщин, был расширен круг лиц, подлежащих учету. Отметим, что в ревизских сказках, помимо возраста, семейного положения и пола, как правило, содержались указания на этническую и конфессиональную принадлежность регистрируемых [5, д. 27, 31, 38, 43, 44]. Таким образом, ревизии помимо фискальных задач выполняли задачу своеобразной репрезентации разнообразия империи, закрепляя за подданными совокупность идентичностей, часть из которых конструировалась самим государством.

Наряду с этим, в ходе ясачной реформы 1763-1769 гг. правительство модернизирует систему учета и налогообложения собственно ясакоплательщиков. Для их переписи и переобложения по всей Сибири именным указом Екатерины II [15] учреждалась специальная комиссия под началом гвардейского офицера, действовавшая по специально разработанной инструкции. Исследователи обратили внимание, что ясачная комиссия Щербачева уклонилась от правил обложения, определенных инструкцией 1763 г., и взяла за основу раскладку сбора не «целыми улусами», как предполагалось, а «повела расчет поголовный». И хотя ныне ясак собирался суммой с окладного подразделения (волости, рода), в окладных книгах он все же был разорчен по душам, что объяснялось необходимостью «знания льготных лет» для принимавших крещение [6, с. 219; 11, с. 243]. Вообще, сохранение специфической системы контроля за ясачным сбором и его плательщиками было одним из признаков особенностей социально-экономического положения автохтонного населения. Обособлению «ясачных» на ведомственном уровне способствовала передача ясака в конце 1763 г. в ведение Кабинета Её Императорского Величества [13, с. 466].

Объективным итогом правительственных мероприятий, предпринятых в XVIII в. в сфере регистрации коренных народов Сибири, стало более четкое определение социальных границ категории, обозначавшейся термином «ясачные», и её места в формирующейся сословной структуре государства. При этом фактический статус не был должным образом подкреплен юридически. Эту задачу будет решать М. М. Сперанский в ходе Великой Сибирской реформы 1822 г., выходя за рамки классификационной терминологии XVIII столетия.

Опыт проведенного исследования позволяет возразить Элис К. Виртшафтер, представившей в своей широко известной монографии историческую панораму стихийного развития российского общества и множественности структур с неопределенными границами. Она полагает, что попытки «достигнуть ясного определения социальных категорий» были неудачны, не было выработано ключевых принципов, «последовательно

определяющих социальную организацию» [4, с. 43, 67]. Несмотря на сложное переплетение в дореволюционной России правовых положений и классификаций, изменчивость социальных границ, для таких широких обобщений, как мне представляется, все же нет достаточных оснований. Не следует преувеличивать уровень стихийности и неустойчивости социальных структур, особенно в тех случаях, когда правовые и административные определения государства учитывали естественные различия, обусловленные этнокультурными особенностями и образом жизни тех или иных групп населения империи.

Список литературы

1. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 86-152.
2. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года (исторический очерк) // Советский Север. М., 1929. № 1. С. 66-97.
3. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 49-85.
4. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / пер. с англ. Т. П. Вечериной; под ред. А. Б. Каменского. М.: Логос, 2002. 272 с.
5. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8.
6. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.). Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 320 с.
7. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды института этнографии. Новая серия. М.: Наука, 1960. Т. 55. 622 с.
8. Емельянов Н. Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 90-107.
9. Капеллер А. Переписи населения в России и Австро-Венгрии как имперские проекты // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 78-109.
10. Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири (по материалам Томского уезда первой трети XVIII в.) // Известия Сибирского отделения Академии Наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1969. № 1. Вып. 1. С. 59-67.
11. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
12. О выключке из подушной переписи крестившихся в греко-российскую веру сибирских ясачных инноверцев и о собирании с них ясаку по прежнему: Сенатский, № 4860 от 26 марта 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VII.
13. О постановлении штатов разным присутственным местам: Манифест. № 11989 от 15 декабря 1763 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVI.
14. Об оказании разных Высочайших милостей народу по случаю благополучно оконченной войны со шведами: Манифест. № 8992 от 15 июля 1744 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XII.
15. Об отправлении капитана Щербачева с командою в Сибирь для отвращения происходящих там беспорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака: Именной, данный Сенату, № 11749 от 6 февраля 1763 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVI.
16. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). М.: Университетская типография, 1895. Ч. I. 421 с.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8.
18. РГАДА. Ф. 248. Оп. 4.
19. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII-XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск: Новосибирский университет, 1998. 56 с.
20. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). ТМ-12636.
21. ТИАМЗ. ТМ-12638.
22. ТИАМЗ. ТМ-12837.
23. ТИАМЗ. ТМ-12841.
24. ТИАМЗ. ТМ-12845.
25. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 275 с.
26. Darrow David W. Census as a Technology of Empire // Ab Imperio. 2002. № 4. P. 145-176.

HISTORICAL EXPERIENCE OF SOCIAL REGISTRATION AND CLASSIFICATION OF THE SIBERIAN TRIBUTE POPULATION OF THE XVII-XVIII CENTURIES: EVOLUTION OF FORMS AND METHODS

Konev Aleksei Yur'evich, Ph. D. in History
Tyumen State Oil and Gas University
aldimoks@mail.ru

The article deals with the changes in the record practice of Western Siberia native peoples, which took place from the beginning of the XVII century till the 80s of the XVIII century. The connection of registration methods with tribute policy and the influence of poll taxation principle, introduced during the reforms of Peter the Great, on them are traced. The author reveals the role of tribute and enumeration censuses as the tools of social classification that had significant influence on “tribute people” category formation in the class structure of the Russian Empire.

Key words and phrases: native peoples; tribute paid off in furs; tribute books; censuses; inspections; social categories; Siberia.